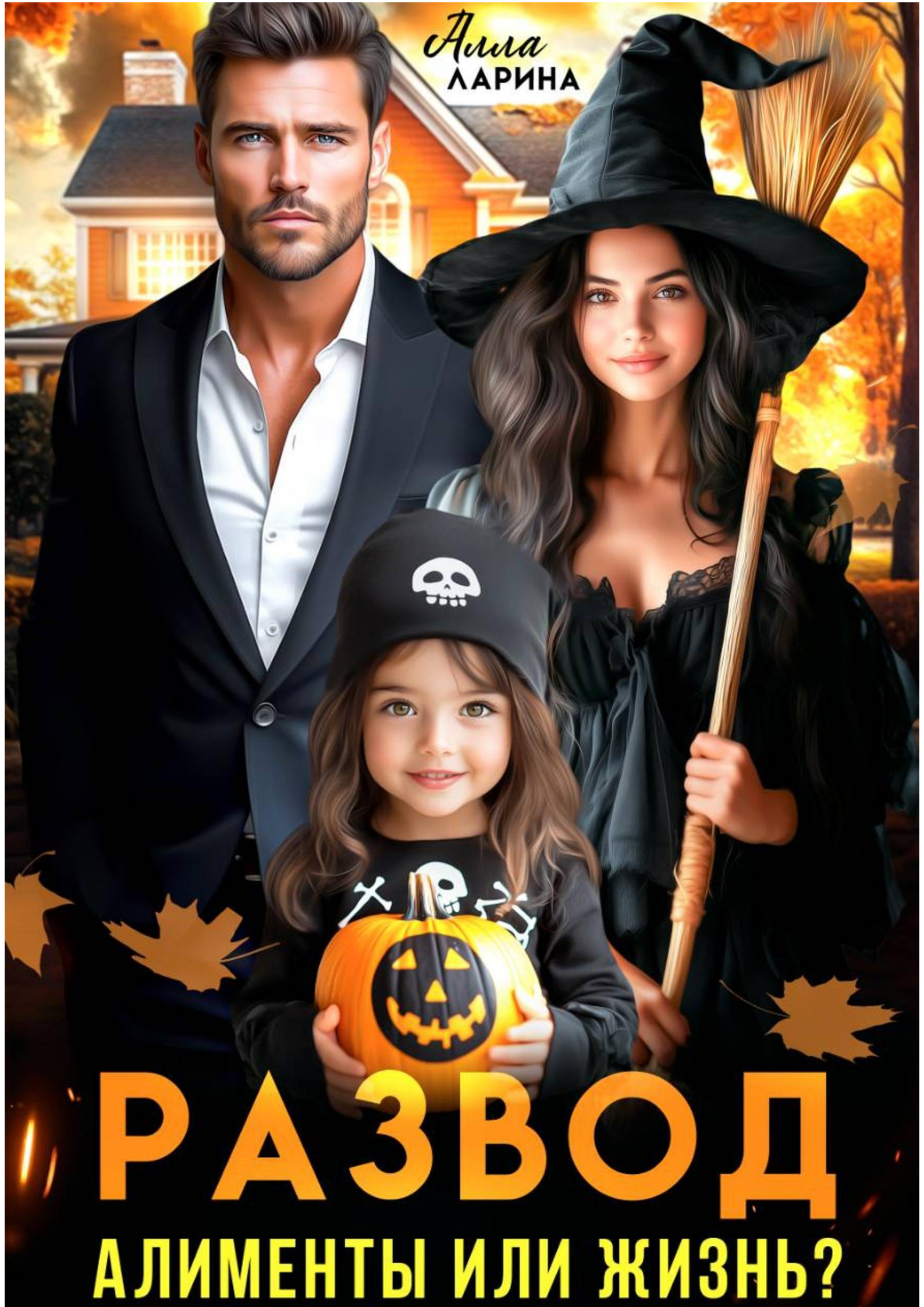

Анна
ЛАРИНА

РАЗВОД

АЛИМЕНТЫ ИЛИ ЖИЗНЬ?

Алла Ларина

Развод. Алименты или жизнь?

«Автор»

2026

Ларина А.

Развод. Алименты или жизнь? / А. Ларина — «Автор», 2026

День икс. Точнее, день алиментов. Тот самый, когда на карту должно прилететь жалкие копейки от человека, который когда-то клялся, что никогда не бросит семью. И сообщение от бывшего мужа. «Я же предупреждал, что выплат больше не будет. Живи как хочешь!» * * * Дочь закатывает скандалы, что хочет к папе, бывший подаёт в суд, да ещё и требует от меня невозможного! А помочь мне вызывается человек из моего прошлого, которого я никак не ожидала снова встретить.

© Ларина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава1	5
Глава2	7
Глава3	9
Глава4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Алла Ларина

Развод. Алименты или жизнь?

Глава 1

– Кристина, ты ошалела? С какой это стати тебе не хватает десять тысяч в месяц?! Это вообще-то нормальные алименты!

Раздражённые слова бывшего мужа в трубке заставляют стиснуть зубы покрепче, чтобы не сказать что-то, о чём я потом буду жалеть.

– Арсений, – говорю терпеливо, как умственно отсталому, – десять тысяч в месяц – это примерно триста тридцать рублей в день. Твоей дочери семь лет. Через месяц будет восемь. Она во втором классе. Да у неё сменная обувь в школу дороже стоит!

– А какого чёрта ты покупаешь ей такую дорогую обувь?! – он заводится с пол-оборота. – Нет чтоб подешевле что-то найти! Вы же вечно сидите на этих ваших маркетплейсах! Там вон и за тысячу есть, а то и меньше! И потом, что, ты ей каждый месяц туфли новые берёшь? Не смеши!

– Мне и не смешно, – цежу сквозь зубы, вспоминая, как дочь выпрашивала кроссовки на новый учебный год, чтобы были именно такие же модные, как у кого-то там в соцсети. А в итоге спустя две недели они ей разонравились, и она ходила надувшись, потому что новые я ей, естественно, покупать отказалась. – Ты давно в магазине был? – уточняю, решив не заострять внимание на обуви и одежде, потому что всё равно я покупаю это всё сама. – В курсе, что пачка масла стоит почти триста рублей?

– Давай вот ты не будешь начинать, – высокомерно цедит бывший. – Мы в девяностые на маргарине выросли – и ничего, живы остались. И вообще, ты никогда не умела нормально вести хозяйство! Десять тысяч в месяц на ребёнка вполне достаточно! Просто надо быть экономнее! Вот ты курицу наверняка идёшь и покупаешь в ближайшем супермаркете – а надо брать оптом, тогда выходит дешевле! Крупа и всё остальное – в товарах по акции вообще копейки, а расход небольшой, много ли вы там едите, по паре-тройке пачек овсянки, гречки и риса на месяц хватит! Всему тебя учить надо...

У меня сейчас глаза закатятся к затылку и не выкатятся оттуда.

Сам бы попробовал Настю покормить овсянкой каждый день на завтрак. Да и рис дочь не больно-то любит, кривится и отодвигает тарелку.

Хотя у меня с ней разговор простой: не хочешь есть то, что мама приготовила – значит, не голодная. Но ведь и пользы в пустых кашах и крупе минимум. Я уж молчу, что ребёнку нужны мясо, рыба, овощи и фрукты...

Я, конечно, тоже работаю и зарабатываю. Иначе бы мы давно ноги протянули на этих десяти тысячах, которые Арсений жертвует с барского плеча, да ещё кривится и не забывает попросить чеки на каждый потраченный рубль.

Бойтся, видно, что я шиковать буду на такую сумасшедшую сумму. В Дубай, наверное, полечу. Где ж ещё-то можно потратить такие невообразимые деньги.

Но дело вовсе не в моей работе и зарплате. А в принципах!

Арсений ведь так хотел ребёнка! Я тоже хотела – я-то от своей ответственности и не отказываюсь, но мы же оба хотели малыша! И даже если у нас прошла любовь, завяли помидоры – точнее, завяло кое-что другое, зато заколосилось пышным цветом, когда на работе мужа появилась новая секретарша.

Но дочка-то никуда не денется! И она хочет каждый день есть и пить, в том числе картошку фри иногда, а не только постылую овсянку, встречаться с друзьями, красиво одеваться и покупать новые резиночки для волос.

– Короче, Кристин, я маму попрошу – она тебе составит полный список мест, где можно закупаться по дешёвке! – голос бывшего, который всё это время вещал что-то, вырывает меня из размышлений. – И чтоб я не слышал больше от тебя этих требований! Берега не путай! А то я ведь, знаешь ли, могу и эту сумму уменьшить в судебном порядке!

– Мама твоя пусть сама закупается по дешёвке! – не выдержав, рывкаю в трубку. – Что-то она не горит желанием, нет? Настя говорила, что у бабушки в прошлый раз были бутерброды с красной рыбой, а ей разрешили съесть только один.

– Много соли детям вредно! И не смей говорить о маме в таком тоне! Она вообще-то одолжение тебе сделала, когда забрала Настю!

– Первый раз за год. Собственную внучку. Дочь своего сына. На полтора часа после школы! Да ещё за это время успела десять раз мне позвонить с требованием приехать как можно скорее! – меня уже затапливает бешенством.

– Так, я не понял, ты недовольна, что тебе помогают?! Тогда вообще больше ни на что не рассчитывай! – выплёвывает бывший, и я слышу короткие гудки.

С трудом сдерживаю желание запустить мобильный в стену.

Чтоб ему самому вместе с его мамочкой питаться курицей по оптовым ценам!

Ну какой же говнюк! Можно подумать, я с него миллионы требую! Всего-то ведь попросила подумать – подумать всего лишь! – о том, чтобы увеличить сумму выплат хотя бы тысяч на пять-семь. Мне бы их на оплату дополнительных занятий по танцам хватило, куда ходят две лучшие подружки Насти.

– Мам, а я к папе поеду на эти выходные? – на кухню заглядывает дочь.

– Я не знаю, Настюш, – качаю головой, сдерживаясь. – Папа ничего на эту тему не говорил. Сегодня только четверг, ты можешь написать ему и спросить сама. Но ты помнишь, что у вас на следующей неделе контрольные по русскому и математике? Тебе бы подготовиться...

– Вот так всегда! – дочь недовольно надувает губы и, развернувшись, уносится в свою комнату, не успеваю я ничего сказать.

Вздыхнув, тру пальцами виски.

Конечно, Настя хочет к отцу. С ним же веселее! Он позволяет ей сидеть в телефоне и планшете, сколько душе угодно, лишь бы она ему не мешала. И напоминать, что она должна сделать домашние задания, бесполезно – в итоге мне приходится сидеть с дочерью весь вечер воскресенья и терпеть её упрёки, что вот папа никогда её не заставляет!

Господи, дай мне сил и терпения... не убить кого-нибудь нахрен!

Мобильный снова вибрирует, и я смотрю на экран в надежде, что это не бывшая свекровь со списком продуктов по акции.

Нет, слава богу. Маринка, моя лучшая подруга.

– Крис, – звонкий голос заставляет уголки губ чуть приподняться, – кончай киснуть! Я нашла того, кто может решить твои проблемы!

Глава 2

– Надеюсь, не очередная мамкина корзиночка с сайта знакомств? – закатываю глаза. – Если это не фээсбэшник с татухами на бицепсах и битой, чтобы как следует проучить моего бывшего муженька, то даже не начинай!

– Какая ты сегодня добрая, – фыркает Марина.

– Общение с Арсением всегда настраивает на доброту и любовь к остальному человечеству, – вздыхаю, косясь в экран ноутбука.

Письмо от клиента на почту упало – к счастью, я хотя бы тружусь удалённо. Иначе с трудом представляю себе, как бы успевала отводить и забирать дочь из школы, готовить ей обеды и ужины, да ещё следить за её расписанием и учёбой.

– Не поминай чёрта, – подруга плюёт куда-то в трубку, и я хмыкаю.

– Да поздно уже.

– Так, ладно, про твоего козла, как про мёртвого – лучше ничего не говорить. А я тебе не про мамкиных корзиночек. Не знаю, что там у него с татухами на бицепсах... но, в общем, Гранцев вернулся! – многозначительно говорит мне Марина.

– Да ладно?! – говорю, параллельно открывая письмо.

Да, этого с битой вряд ли представишь. У меня в памяти всплывает худой долговязый парень.

– Ага, я с ним случайно встретила. И прикинь, – подруга выдерживает паузу, – он адвокат! По семейным делам! Один из лучших!

– Это он тебе сказал? – уточняю рассеянно, вчитываясь в заказ.

– Нет, это я сама погуглила, – прямо вижу, как она закатывает глаза. – В общем, я его попросила! Он тебе позвонит!

Этого мне только не хватало!

От неловкости рука дёргается, и окно с почтой сворачивается.

– Марин, я надеюсь, ты не серьёзно сейчас? – уточняю у подруги зловеще.

– Ой, ну чего ты разнервничалась прямо! – тут же начинает тараторить Маринка. – Вы с ним сколько лет не виделись! Встретитесь, поговорите, может, он подскажет тебе по поводу твоего бывшего и алиментов...

Вот последний, с кем бы я хотела советоваться по поводу бывшего мужа и алиментов – это Филипп Гранцев!

– Ой, ну ладно, мне пора, зовут тут, всё, давай!

– Ах ты... – успеваю только сказать в трубку, откуда уже доносятся короткие гудки. – Вот же... коза! – стискиваю челюсти.

Знает ведь, что отношения у меня с Гранцевым всегда были далеки от идеальных. Особенно в старших классах школы. Потом-то он поступил в университет, уехал, ну и я про него ничего не слышала.

– И слава богу! – говорю вслух, гоня от себя мысль, что всё-таки любопытно было бы увидеть, какой он стал...

– Мам, ты меня звала? – на кухню заглядывает Настя.

– Нет, это я по работе, – качаю головой. – Есть будешь?

– А что есть?

– Есть суп, – встаю, заглядываю в холодильник, – рис с куриными котлетами...

– Фу-у, – дочка морщится. – А сладкого что, нет?

– Солнышко, сладкое – это не еда, – говорю мягко. – Помнишь, что тебе сказал стоматолог на последнем приёме? Много сахара твоим зубкам не слишком полезно...

И это ещё слабо сказано. Дело на самом деле не только в сладком, зубы дочке по наследству достались явно от Арсения – у бывшего мужа с ними проблемы были всегда.

Вот и у Настёны в семь лет уже практически на каждом по пломбе... не хочу даже вспоминать, сколько пришлось заплатить в последний визит к врачу, при том, что я таскаю туда дочь каждые полгода по расписанию.

В очередной раз мрачно вспоминаю про чёртовы десять тысяч, которые бывший считает прекрасной суммой. Ну-ну. Сам-то, небось, в самую дорогую клинику ходит – чтобы не дай бог травму никакую психологическую не получить в стоматологическом кресле, он их боится до жути.

– Тогда я ничего не хочу! – заявляет Настя и, обиженно выпятив губу, снова уходит.

Вдалеке хлопает дверь детской, и я, устало вздохнув, опускаюсь обратно на стул.

Это что, кризис восьми лет? Или какой там... у меня иногда такое ощущение, что эти кризисы каждый год – перманентно!

С трудом сосредотачиваюсь на работе, снова открываю письмо от заказчика, вчитываюсь в подробности, последовательно отвечаю на основные вопросы.

Я дизайнер интерьеров – и с очень неплохой репутацией.

Вообще-то, когда-то была художницей. И даже закончила вуз по специальности «художник-аниматор».

Но несколько лет назад разработала дизайн-проект для владельца сети супермаркетов в нашем городе. Не все соглашались с ним работать, зная крутой нрав мужчины – а у меня в тот момент не было выбора, мы с Арсением как раз развелись, и я осталась без мужа и с маленькой дочкой на руках.

Как говорится, отступить было некуда – и я рискнула. И не прогадала.

Семён Петрович остался настолько доволен, что порекомендовал меня нескольким своим знакомым. И дело пошло.

Сейчас у меня регулярно были заказы. Не сказать, что слишком много – всё-таки дизайн интерьера штука не самая востребованная. Но на жизнь хватало.

В очередной раз вздохнув, перепроверяю, на всё ли ответила, отправляю письмо и встаю, чтобы поставить чайник.

И буквально минуту спустя вибрирует мобильный!

– Да, слушаю! – отвечаю сразу же, подумав, что это заказчик – я написала в конце, что, если остались какие-то вопросы, со мной можно связаться по телефону.

– Привет, Крис, – глубокий, чуть хриловатый голос заставляет вздрогнуть, и я резко плюхаюсь на стул, чуть не промахнувшись мимо сиденья.

Глава 3

В кафе, где мы с Филиппом договариваемся встретиться – точнее, мужчина просто ставит перед фактом, что будет ждать меня там на следующий день утром – я прибегаю, чуть было не опоздав.

Настёна с утра устроила скандал – Арсений сказал ей, что в эти выходные забрать её не сможет, а виновата в этом у дочки почему-то оказалась я. В итоге мне пришлось пережить истерику и отказ идти в школу.

В школу Настя, разумеется, всё-таки пошла. Но надувшись на меня и на весь белый свет.

А я, проклиная всё на свете, рванула по нужному адресу.

Влетаю в кафе, почти спотыкаясь о порог, и с запозданием думаю, что, наверное, стоило хотя бы накрасить ресницы. Волосы торчат в разные стороны, дыхание сбивается, куртка не застёгнута... Эффектное появление, чего уж там.

Судорожно оглядываюсь по сторонам, не видя знакомой долговязой фигуры.

И торможу, увидев, как поднимается из-за столика в углу мужчина.

Да ладно. Серьёзно?!

Никаких очков, никаких длинных волос и худобы – наоборот, плечи широкие, руки такие, как будто он не в суде, а в спортзале каждый день по расписанию. Тёмная толстовка, простые джинсы и часы, которые явно стоят больше, чем мой холодильник.

И это – адвокат?!

Точнее, и это – Филька Гранцев?!

Да его язык так назвать не повернётся... Это не Филька, это Филипп Яковлевич... такое у него вроде отчество. Ну, в крайнем случае – Фил. И точно по разрешению от самой женщины.

– Давно не виделись, Гордеева! – усмехается, когда я подхожу. Голос ниже, чем я помню. Хрипловатый, уверенный. – Опоздала всего-то на семь минут, рекорд.

– Пробки, – бурчу, стаскивая куртку. – И ребёнок. И бывший. Одним словом – жизнь.

– Ну, тогда прощена. Садись, – он кивает на свободный стул.

Я опускаюсь напротив, чувствуя себя как-то... неуверенно.

Он смотрит на меня прямо, спокойно, словно сканирует взглядом. И это раздражает.

– Ты вообще... – начинаю, разглядывая его. – ...не похож на себя.

– Взаимно, – ухмыляется мужчина. – В школе ты вроде была повеселее.

– А ты вроде не был качком.

– Ну, каждому своё, – спокойно отвечает он, чуть пожимая плечами. – Кто-то развивается, кто-то воспитывает бывших мужей.

Я фыркаю.

– Это называется «развод».

– Ну да, я в курсе, – Филипп откидывается на спинку стула, прищуривается. – Марина сказала, у тебя с алиментами беда?

– Беда – мягко сказано, – я открываю меню, делая вид, что меня интересует кофе, а не его лицо. – Мой бывший решил, что десять тысяч в месяц – это роскошное содержание для ребёнка.

– Классика, – кивает Гранцев. – Фиксированная сумма?

– Да. Через суд два года назад.

– Тогда можно пересмотреть.

Я поднимаю глаза.

– И как ты это себе представляешь? Он официально получает тридцать тысяч.

– Это он тебе сказал?

– Конечно.

– Тогда у меня для тебя новость, – мужчина усмехается. – Полстраны живёт с окладом в тридцать тысяч по бумагам, а по факту ездит на «Тойотах» и отдыхает на Бали.

– И что, суд это увидит? – спрашиваю скептически.

– Если подойти с умом – да. Есть соответствующая статья: можно требовать увеличения алиментов, если изменилось материальное положение. Твоё – тоже аргумент. Рост расходов на ребёнка, кружки, одежда, цены. Главное – доказать, что прежней суммы объективно не хватает.

– Ну да, принесу чеки из «Пятёрочки» и скажу: вот, ваша честь, масло подорожало! – я закатываю глаза. – Смешно же.

– Не смешно, если правильно оформить, – парирует Филипп. – Важно предоставить суду конкретные подтверждённые цифры. Расходы на питание, школу, одежду, лекарства. Если приложишь всё – можно выиграть.

Я молча отпиваю кофе, который приносит мне официант. Вкусно.

Чёрт, почему мне стыдно, что Гранцев видит меня именно такой? Это же не имеет никакого значения!

И потом, у нас с Арсением всё-таки договорённость. И может он всё-таки сам сподобится чуть повысить сумму?

Думаю и сама не верю.

– Крис, – Филипп чуть подаётся вперёд. – Ты чего упрямисься? Это не про тебя. Это же про твоего ребёнка. Кто у тебя, мальчик, девочка?

– Девочка, – отвечаю машинально и тут же ошетиниваюсь. – Вот только не начинай! Дело в том, что... я не хочу снова ввязываться во всю эту грязь. Суды, допросы, его мать с её визгами... нет, спасибо. Честное слово, мне кажется, что проще самой заработать.

– А он пусть живёт спокойно, да? – спокойно уточняет Филипп.

– Он всё равно не изменится, – говорю устало.

– Ну да, зато ты потом будешь жалеть, что сдалась.

Я вскидываю брови.

– Ты, как всегда, знаешь всё лучше всех?

– Не всё, – улыбается краем губ. – Но конкретно в этом – да. Это моя работа.

– О, точно. Забыла, ты теперь у нас герой судебных хроник, – хмыкаю ядовито. – Только не надо меня спасать, ладно?

– Даже не думал. Просто предложил помощь

Мужчина качает головой, потом достаёт из кармана визитку и кладёт передо мной.

– Слушай, Гордеева. По старой дружбе. Если всё-таки передумаешь – позвони.

– Спасибо, конечно, – я забираю карточку, не глядя. – Но не уверена, что мне это нужно.

– Это тебе решать, – спокойно отвечает он и поднимается. – Кстати, кофе уже оплачен.

И круассан с курицей съешь, я тебе сам заказал.

Растерянно смотрю на него, а Гранцев вдруг усмехается, подмигнув.

– Не все мужики – гондоны, Крис. Давай, счастливо!

Машинально киваю и провожаю его взглядом.

Всё такой же язвительный засранец... но не гондон. Да, совершенно точно.

* * *

День икс. Точнее, день алиментов.

Тот самый, когда на карту должно прилететь жалкие десять тысяч от человека, который когда-то клялся, что «никогда не бросит семью».

Я автоматически проверяю телефон за завтраком, потом днём, потом вечером.

Пусто.

Тишина. Никаких уведомлений, ни смс – ничего.

Убираю со стола, замечаю чашку с кофе, который варила себе ещё утром. На автомате делаю глоток холодного напитка, морщусь, выливаю в раковину. Снова беру мобильный.

– Ну конечно, – шепчу в экран. – Король стабильности, мать его так.

Заодно вспоминаю, что сегодня ещё и один заказчик слился, сославшись на перенос сроков и проблемы с бюджетом.

А у меня квартплата и очередной визит к стоматологу.

Открываю мессенджер, нахожу диалог с бывшим и набираю короткое: «Ты забыл про алименты?»

Отправляю.

И уже через минуту всплывает ответ:

«Ничего я не забыл. Я же предупреждал, что этих выплат больше не будет. Живи как хочешь.»

Я моргаю, перечитываю и чувствую, как кровь приливает к щекам. Пальцы дрожат, пока печатаю ответ.

«В смысле «не будет»? Это вообще-то решение суда, Арсений. Обязанность, а не благотворительность!»

Ответ прилетает почти сразу, как будто он сидел и ждал, когда я взорвусь.

«Я подал заявление в суд. Уволился. Денег нет. Пусть пересматривают сумму. Всё по закону, Кристин. Так что не ной.»

Меня будто кипятком шпарит.

– Ах ты... – слова срываются на шёпот, потом переходят в ругательство, которое заставило бы покраснеть даже водителя маршрутки.

Телефон я всё-таки не швыряю, хотя очень хочется.

И как раз в этот момент – как будто вселенная ждала подходящего момента, чтобы меня добить – из коридора доносится:

– Ма-ам! А папа сказал, что ты виновата, что он меня не берёт!

Глава 4

Я резко оборачиваюсь.

Настя стоит в дверях, руки в боки, глаза – в точности как у Арсения, когда он что-то доказывает.

– Что он тебе сказал? – стараюсь говорить спокойно, но голос дрожит.

– Что ты злая, и что ты не хочешь, чтобы я к нему ездила! – дочь насуплена, брови сведены.

– Настя, это неправда, – встаю, подхожу ближе, но она отступает.

– Правда! – кричит дочка. – Он сказал, что ты всё время на него орёшь и из-за тебя у него теперь проблемы!

Я чувствую, как внутри что-то обрывается.

– Настя, милая, я никогда не говорила, что ты не можешь...

– Всё! Я не хочу с тобой говорить! – она убегает в комнату и так хлопает дверью, что с полки шкафа рядом падает кружка с кисточками.

Минут десять я просто стою посреди коридора, не в силах пошевелиться.

Холодильник гудит, чайник щёлкает, и всё кажется каким-то ненастоящим.

Глаза щиплет, но я упорно моргаю, не давая слезам пролиться.

– Отлично, – шепчу в пустоту. – Просто замечательно... Жизнь удалась.

На негнущихся ногах иду обратно на кухню, опускаюсь на стул. Перед глазами всё плывёт, бездумно вожу взглядом и вдруг цепляюсь на белый прямоугольник, который я на автомате кинула в широкую вазочку со всякой мелочью, которая стоит тут же на полке.

Визитка. Машинально запускаю руку, вытаскиваю плотный гладкий картон.

Филипп Гранцев. Адвокат.

Телефон. Электронная почта.

И его аккуратный почерк на обратной стороне:

«Если передумаешь – звони».

Я сижу, глядя на визитку, словно она в чём-то виновата.

А потом почему-то усмехаюсь.

– Ну что ж, Гранцев... – шепчу бессильно. – Похоже, я передумала.

И тянусь за телефоном.

* * *

Настоящий суд совершенно не похож на то, что показывают в кино.

Никаких криков «возражаю!», никакой драмы. Просто очередь из таких же уставших замотанных людей. Разве что атмосфера... тяжёлая, давящая. Словно сами стены здесь пропитаны болью и злостью.

– Дыши, – говорит Филипп негромко, стоя рядом со мной. – Всё нормально. Главное – никаких эмоций.

– Я вообще не дышу, – бурчу, сжимая в руках папку с документами. – Как можно быть спокойной, если этот гад подал в суд, чтобы уменьшить алименты?!

– Можно, – невозмутимо отвечает он. – Ты сможешь быть спокойной. Судьи предпочитают тех, кто спокоен, вежлив и высказывается только по делу.

Я закатываю глаза.

– А можно мне в судью женщину с ребёнком? Чтобы сразу всё поняла?

– Можно, – улыбается Филипп, – но даже тогда не надейся на эмоции. Тут работает только закон.

– Ага. Закон, который на моей стороне, но всё равно я должна доказывать, что ребёнок хочет есть три раза в день, – горький сарказм вылезает на язык самостоятельно.

– Крис, – он чуть наклоняется ко мне, говорит ещё тише, почти шёпотом, – просто отвечай на вопросы. Коротко, спокойно. Не спорь, не перебивай. Всё остальное я сделаю.

Я киваю, хотя внутри всё клокочет.

В зале заседаний холодно, кондиционер шумит, а сердце бьётся где-то в горле. Судья – женщина лет пятидесяти, строгая, с идеально собранными волосами.

Я немного рассеянно думаю: вот точно у неё всё по плану, всё под контролем. Наверное, у неё даже ребёнок сам делает домашку и вытирает за собой стол.

– Итак, – начинает судья, просматривая бумаги. – У нас заявление ответчика об изменении размера алиментов. Истец присутствует?

– Да, Ваша честь, – Филипп подаёт голос спокойно и уверенно. – Представляю интересы Гордеевой Кристины Викторовны.

– Хорошо. Стороны предупреждены об ответственности за дачу ложных показаний? – строго уточняет судья.

– Да, Ваша честь, – хором отвечаем мы с Арсением.

Бывший сидит напротив – самодовольный, чисто выбритый, в свежей рубашке.

Как будто не он неделю назад орал в мессенджере, что я охренела и выдумываю предлоги, лишь бы стрясти с него побольше.

Судья зачитывает его заявление: временно уволился, просит пересмотреть размер алиментов.

– Кристина Викторовна, – поднимает на меня взгляд судья. – Что можете пояснить?

Я почти открываю рот, но Филипп легонько касается моего локтя – мол, подожди.

– Ваша честь, – спокойно говорит он, – мой доверитель считает, что заявление ответчика необоснованно. Уменьшение алиментов возможно, только если есть документально подтверждённые доказательства, что материальное положение изменилось. На данный момент представленные документы не содержат сведений о реальном уровне доходов. Кроме того, у нас имеются сведения о том, что заявитель продолжает вести предпринимательскую деятельность неофициально.

Судья слегка приподнимает бровь.

– Подтверждения есть?

– Мы направили запрос в налоговую, ждём ответ, – кивает Филипп. – Также прилагаем скриншоты из открытых источников – объявления о продаже автозапчастей, опубликованные на сайте, где указан номер ответчика.

Арсений тут же подаётся вперёд:

– Это ерунда! Я просто помогаю друзьям, никаких продаж я не веду!

– Тогда, Ваша честь, – мягко, почти лениво произносит Филипп, – прошу приобщить к делу данные, подтверждающие активную коммерческую деятельность ответчика.

Судья кивает секретарю.

Краем глаза смотрю на Гранцева. Ни тени волнения. А у меня такое ощущение, что я сейчас лопну.

– Гордеева, вы работаете? – спрашивает судья.

– Да, – киваю, сдерживая дрожь в голосе. – Дизайнер интерьеров, частная практика.

– Доход стабильный?

– Средний. Иногда больше, иногда меньше. Но на ребёнка уходит значительно больше, чем те десять тысяч, которые перечисляет ответчик.

– А куда именно расходуются средства? – уточняет судья.

– Школа, питание, одежда, медицинские услуги, кружки, – я выдыхаю, воздуха не хватает. – Есть в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.